

Николай Добролюбов

**Стихотворения Юлии
Жадовской**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения Юлии Жадовской

Первый сборник стихов Ю. В. Жадовской (1846) вызвал отрицательный отзыв Белинского: «источник вдохновения этого таланта не жизнь, а мечта», и поэтому он «беден поэзиею». Опираясь на новый сборник поэтессы, в котором ее творческая индивидуальность раскрылась заметно полнее, Добролюбов дал ему высокую оценку, несмотря на бедность творчества Жадовской гражданскими мотивами и относительно скромные, по признанию критика, размеры ее дарования. В ее стихах Добролюбов увидел воплощение своих основных требований к поэзии: искренность чувств и простоту выражения.

Содержание

#1	0005
Примечания	0040

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Юлии
Жадовской**

СПб., 1858

На стихи ныне в нашей литературе такая мода, какой, кажется, никогда не бывало. Собрания стихотворений, изданных в последнее время, можно считать десятками. Много горя доставляют эти собрания стихов бедным любителям поэзии, которые каждый раз бросаются на новую книжку стихотворений с новыми надеждами и почти каждый раз обманываются в этих надеждах. Но за горем бывает наконец и утешение, между множеством прозаических, холодных, хотя иногда и блестящих стихов попадаются же изредка и книжки, в которых заметно присутствие истинной поэзии. К числу таких редких исключений принадлежит книжка стихотворений г-жи Жадовской.

Более десяти лет уже г-жа Жадовская печатала свои стихотворения в разных московских изданиях: в «Московском городском листке», в «Московском сборнике», в «Москвитянине»[1]. Любители поэзии прочитывали их большею частью с удовольствием; но в публике имя г-жи Жадовской было весьма мало известно, всего более, вероятно, потому, что журналы, в которых она почти исключи-

тельно печатала свои произведения, не имели большого круга читателей. В последнее время г-жа Жадовская обратила на себя внимание публики замечательным романом «В стороне от большого света», помещенном в «Русском вестнике»[2], но о стихотворениях ее все-таки знали немногие. Теперь стихотворения эти, в довольно значительном числе (СХІХ пьес), собраны автором и напечатаны отдельной книжкой. Не знаем, будут ли они иметь успех; вероятнее, что нет[3], потому что стихи г-жи Жадовской не имеют внешних достоинств, резко бросающихся в глаза. Но мы, нимало не задумываясь, решаемся причислить эту книжку стихотворений к лучшим явлениям нашей поэтической литературы последнего времени. Предполагая, что читателям нашим малоизвестны стихотворные произведения г-жи Жадовской, мы считаем себя вправе несколько распространиться о них.

Стих г-жи Жадовской, как сказали мы, не отличается внешней отделкой, так поражающей нас в произведениях новейших поэтов. Рифма часто изменяет ей, иногда выходят

стихи неловкие, незвучные, отзывающиеся прозой. Но мы признаемся, что даже эти прозаические стихи ее нам нравятся и что именно многие из них произвели на нас сильное впечатление своей простотою и задушевностью. Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выражения – вот главные достоинства стихотворений г-жи Жадовской. Настроение чувств ее – грустное; главные мотивы ее – задумчивое созерцание природы, сознание одиночества в мире, воспоминание о былом, когда-то светлом, счастливым, но безвозвратно прошедшем. «Какие прекрасные предлоги для того, чтобы наговорить множество высокопарных фраз!» – думает читатель. Да, на эти неистощимые, хотя уже порядком исчерпанные темы, вероятно, много чувствительных вещей мог бы написать человек, не имеющий ни капли чувства, но читавший *стишки* и старинные романы или обучавшийся реторике. В особенности женщина, которая вздумает писать о своем одиночестве в мире, о былом счастье, о былой любви, – какие великолепные краски может найти она! То может она подниматься выше

облака ходячего, утопать в эфире, одеваться
лучами зари благодатной и милостиво появ-
ляться взорам смертных, как

*Ангел дня, предвестник света,
Лик надежды, взор приветя.*

То может она опускаться до земли и, с глу-
боким сознанием своего бессилия, восхити-
тельно жаловаться на то, что она слабое тво-
рение, сосуд, так сказать, скудельный. Или
еще – может она вдруг явиться недоступной,
холодной и гордой,

*Уединиться в хладное величье,
В неумолимость душу заковать.*

Или же – может представиться страстной
до последних пределов возможности, ожида-
ющею

*...Поликара молодого
Со страстью пламенной в очах[4]*

и при этом «благоухающею и трепещущею
от упоенья и тоски». А какое разнообразие по-
ложений, какое бесчисленное множество от-
тенков и степеней может еще она придумать!
И все это будет – надобно полагать – очень хо-

рошо: сердца воспламенить будет!..

Но г-жа Жадовская не воспользовалась ни одним из этих благоприятных эффектов. Она сумела найти поэзию в своей душе, в своем чувстве и передать свои впечатления, мысли и ощущения совершенно просто и спокойно, как вещи очень обыкновенные, но дорогие ей лично. Это именно уважение к своим чувствам, без всякой претензии на возведение их в идеал всемирный, и составляет прелесть стихотворений г-жи Жадовской. Мы читаем и перечитываем их с тем же чувством, с каким смотрим на человека, скромно и со слезами на глазах показывающего нам медальон, письмо или заветный прощальный дар кого-нибудь, милого его сердцу. Между тем многие из других поэтов, рассказывающих о своих чувствах и помыслах, очень часто напоминают нам пышных богачей, самодовольно показывающих нам длинную галерею, набитую посредственными портретами их вымышленных предков.

Г-жа Жадовская дорожит своими грустными воспоминаниями, тяжелые чувства сердца действительно составляют для нее святы-

ню, которую она боится осквернить напыщенной фразой, ложным эффектом. Она, очевидно, не хочет щеголять своей печалью

*И гной душевных ран надменно
выставлять
На диво черни простодушной[5].*

Она скорее даже боится говорить о своих страданиях; она молчала бы о них, если бы могла, но сердце, против воли, рвется наружу, хочет высказаться. Именно сердце видно в каждом стихотворении г-жи Жадовской; в каждом стихотворении ясно, что оно не фраза, а чувство, что оно прожито, а не придумано. В создании почти каждого стихотворения как будто чувствуешь тот таинственный процесс мысли и ее выражения, который так поэтически изображен г-жою Жадовской в пьесе, начинающей собою ее книжку:

*Лучший перл таится
В глубине морской;
Зреет мысль святая
В глубине души.
Надо сильно буре
Море взволновать,
Чтоб оно в бореньи*

*Выбросило перл;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтоб она, в восторге,
Выразила мысль.*

Этот восторг, в который приходит душа, потрясенная чувством, чтобы выразить святую мысль, зреющую в душевной глубине, – составляет неотъемлемое достоинство всех или по крайней мере почти всех стихотворений г-жи Жадовской.

В некоторых из ее стихотворений этот восторг, это святое чувство – ясны для всякого самого холодного и рассеянного человека; в других – они более скрыты; в иных, наконец, трудно, почти невозможно их отыскать человеку, который сам не был в таком же положении, не прожил и не перечувствовал того же, о чем говорит поэт. Таких стихотворений довольно много, и, вероятно, не многие поймут и оценят их. Это трудно для многих, отчасти уже и потому, что г-жа Жадовская так сдержанно говорит о своем горе и страданиях, так робко упоминает о них, как будто в самом деле боится разлить пред людьми эту чашу,

которую должна она хранить. Так говорит она в одной пьесе:

*Не зови меня бесстрастной
И холодной не зови,
У меня в душе есть много
И страданий и любви.
Проходя перед толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушием наружным,
Чтоб себе не изменить.
Так идет пред господином,
Затая невольный страх,
Раб, ступая осторожно,
С чашей полною в руках.*

Во многих пьесах, высказывается это горькое, затаенное страданье, действующее на душу несравненно больнее, чем разделенная печаль, но непонятное для человека не страдавшего, которому нужно, чтобы поэт увлекал его силою и яркостью живого изображения, а не простым намеком. Таким образом, для многих останутся непонятны и чужды стихотворения г-жи Жадовской именно потому, что она не любит пространно описывать свои чувства. Так и в жизни не привлекают участия людей душевные страдания, прикры-

тые наружным спокойствием. Зато, если уж кто поймет эти страдания, тот будет сочувствовать им несравненно больше, чем всякому многоречивому горю. Но редко, редко встречаются такие сочувствующие души, и особенно страдающий человек редко находит их. Кто чувствовал эту скорбь одиночества среди людей, тот оценит эти простые стихи гжи Жадовской:

*Куда сложить тяжелый груз души?
Кому поведать скорбь, гнетущую
мне сердце?
Вокруг меня людей знакомых
много,
И многие меня бы стали слу-
шать;
Но где найду я теплое участие?
Где душу обрету, с сочувствием
отрадным,
Которая со мной все радости и
горе
Понять и разделить могла бы
непритворно?[6]*

Тяжело человеку с живой, любящей душой в этой людской пустыне; среди нее вяло и

медленно тянется жизнь, и можно понять ту грусть, которою полны эти стихи:

*Я плачу все о том, что сердце увядает,
Что леденит его холодный свет...
...Я плачу и о том, что скучною
машиной
Между людей я тихо прохожу;
Я плачу и о том, что в мире ни
единой
Родной души себе не нахожу[7].*

Не подумайте, чтоб это была сентиментальность, желание выставить себя непонятого, непризнанною и т. п. Нет, в стихотворениях Жадовской видна действительная грусть, и, сколько мы можем догадываться по некоторым пьесам, грусть эта происходит из источника более глубокого, нежели какие-нибудь мечтательные или личные раздражения. Ее сердце, ее ум действительно наполнены горькими думами, которых не хочет или не умеет разделять современное общество. Ее стремления, ее требования слишком обширны и высоки, и не мудрено, что многие бегут от поэтического призыва души, страдающей

не только за себя, но и за других и с увлечением говорящей:

*Говорят, придет пора,
Будет легче человеку,
Много пользы и добра
Светит будущему веку!..*

Что им, этим толпам людей, холодных и расчетливых, до того будущего, которое принесет много добра человеку! До того ли им!

*Бесстрастны, суетны и вялы,
Без пользы для страны родной,
Они, лениво и устало,
Идут избитою тропой...
...Для их души одна потреба —
Чтоб сытым быть, покойно
спать...
Зато не дастся им от неба
Призваний высших благодать[8].*

Это сознание пустоты и ничтожности окружающего света составляет уже не гремушку самолюбия, не каприз сердца, а действительное страдание, которое может понять всякий мыслящий человек. Прочтите хоть это стихотворение:

Нет, никогда поклонничеством
низким
Я покровительства и славы не
куплю,
И лести я ни дальним и ни близ-
ким
Из уст моих постыдно не пролью.
Пред тем, что я всегда глубоко
презирала,
Пред чем порой дрожат достой-
ные – увы!
Пред знатью гордою, пред роско-
шью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своим путем, хоть го-
рестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной
народ,
И, может быть, к моей могиле
неизвестной
Бедняк иль друг со вздохом подой-
дет.
На то, что скажет он, на то, о
чем помыслит,
Я, верно, отзовусь бессмертною
душой...
Нет, верьте, лживый свет не зна-
ет и не смыслит,

Какое счастье быть всегда самим собой!

Скажите, сентиментальность ли это? Призрачные ли это страдания? Нет, ничего не может быть существеннее этого горя, которое приводит человека к поэтической мечте, что он найдет наконец сочувствие – после смерти... Нет этого сочувствия при жизни, и нечего добиваться его от людей, нечего раскрывать им свои душевные раны. Надо удалить свое сердце от житейского шума, надо очистить себя от мелочей людских и остаться наедине с своей душой, с ее воспоминаниями и горем, – вот к чему приходит поэт, хранящий святыню души своей. Он говорит:

*Не святотатствуй, не греши
Во храме собственной души.
Поверь, молиться невозможно
При кликах суетных и ложных
Пустых, ничтожных торгашей,
Средь пошлых сплетен и речей.
Очисти храм бичом познания,
Всю эту ветошь изгони,
Тогда, пред алтарем призвания,
С мольбой колена преклони...*

Поэтическая душа верна своему решению: она не повергает своей тоски на суд людей. Она, улыбаясь, слушает пустой разговор, когда на сердце тяжело и грустно;

*Как часто слушаю ничтожный
разговор
С участием притворным я и лож-
ным!
Вниманье полное изображает
взор,
Но мысли далеко, и на сердце тре-
возно...
Как часто я смеюсь, тогда как из
очей
Готовы слезы жаркие катиться...
[9]*

Скрытность эта тоже тяжела:

*О, как трудно, грустно и обидно
Мне скрывать всю боль сердечных
ран! —*

воскликает г-жа Жадовская в одном стихотво-
рении. Она даже не надеется на свою твер-
дость, она спрашивает себя:

*Как-то справлюсь я с моею ро-
лью?*

*Как-то слезы, горе утаю?
Как-то скрою от людей и света
Я печаль душевную мою?*

И какую-то безотрадно-грустною покорностью судьбе звучит ответ ее на этот вопрос:

*Ничего, немножко только воли,
И исчезнут слезы на глазах,
Ничего... еще одно усилие, —
И мелькнет улыбка на устах!..*
[10]

«Но что же за причина страдания? Что тревожит сердце поэта среди веселого общества?» – Мало ли бывает причин страдания, читатель! Наш мир – не блаженный эдем, и немало горя выпадает на долю людей, умевших отличить добро от зла. Скажите, разве не законная причина страдания, например, такая мысль:

*Чем ярче шумный пир, беседа веселей,
Тем на душе твоей печальной тяжелей,
Язвительнее боль сердечного недуга,
И голос дальнего, оставленного*

друга
Мне внятней слышится.
Ах, бледный и худой,
Я вижу образ твой, измученный
нуждой!
Среди довольных лиц, средь гула
ликованья,
Он мне является с печатью стра-
данья,
Оставленной на нем бесплодную
борьбой
С врагами, бедностью и самую
судьбой!
Быть может, в этот час, когда
за ужин пышный
Иду я, средь других, моей стопой
неслышной,
Ты, голоден и слаб, в отчаяньи
немом,
Лежишь один, в слезах, на чердаке
глухом;
А я тебе помочь не в силах и не
властна!
И, полная тоски глубокой и без-
гласной,
Я никну головой, не слыша ничего,
Под гнетом тайного унынья мое-
го,

*Средь этой ветреной себялюбивой
знати,
Готовая рыдать неловко и
некстати...*

Много подобных горьких мыслей может таиться под наружным спокойствием, среди безумного светского веселья, где нет родной души, которая могла бы откликнуться на тайное, внутреннее горе. Все в этом свете заставляет сердце сжиматься и скрывать свои раны, все веет таким неприветным равнодушием. Что за дело людям, стремящимся по дороге веселья, до израненного путника, лежащего при пути?

*Их много мимо шло... но что ж?
никто из них
Не думал облегчить тяжелых
ран моих;
Иной бы и желал, да вдаль его ма-
нила
Житейской суеты губительная
сила;
Иных пугал вид ран и мой тяже-
лый стон...*

Но найдется же наконец хоть одна душа,

которая почувствует сострадание к несчастному; найдется этот ближний, которого напрасно ждет страдалец в толпе мимоходящих людей. И нашлась одна такая душа, нашлось это участие для страдальца:

И вот пришел один, склонился надо мной

И слезы мне отер спасительной рукой.

Он был неведом мне, но полн святой любовью,

Текущею из ран не погнушался кровью...

Он взял меня с собой и помогал мне сам,

И лил на раны мне целительный бальзам[11].

Надолго остается в душе страдальца образ этого ближнего-утешителя. Легко может случиться, что простое ощущение благодарности превратится в чувство более глубокое и вызовет взаимное чувство. Тогда, что бы ни случилось, но сердце бедного труженика, отверженного светом, сохранит навсегда тихое и светлое, – хотя в грустное, может быть, – воспоминание о том, в ком хоть однажды встре-

тило оно теплое, родное участие. На людей, имеющих подобные воспоминания или умеющих понимать их, должны сильно подействовать некоторые из стихотворений г-жи Жадовской. Нам кажется, например, что к жизни многих может быть применено прекрасное описание, составляющее вторую половину стихотворения! «Никто не виноват». Мы решаемся выписать вполне это стихотворение:

*Никто из нас, никто не виноват,
Ни ты, ни я: судьба уж так реши-
ла!
Судьба страшна, всесильна, гово-
рят;
Она и нас с тобою разлучила.
Не виноват, мой друг, не виноват
и ты,
Что на душе твоей любовь осты-
ла;
И я не виновата, что мечты
Безумной юности так долго со-
хранила,
Что светятся они отрадно предо
мною,
Повсюду следуют за мной неот-
разимо*

И что над этой грустной пусто-
той

Горит любовь звездой неугаси-
мой...

Ах, эта жизнь своею тишиной
Меня томит, как страшное виде-
нье!

Как будто смерть летает надо
мною...

Желанна буря мне, как грешнику
спасенье.

Вот что теперь на память мне
пришло

Из детства дней, почти забытых
мною:

Поляну помню я; на ней росло
Цветов так много яркою весною;
Но не весенние душистые цветы
Меня туда, ребенка, привлекали.
Среди поляны той два дерева сто-
яли,

И сладостно шептали их листья,
И мерно ветви их зеленые кивали.
Они росли одно к другому близко;
но

Никак коснуться не могли друг
друга, —

Знать, было так судьбою сужде-

но.
Вот поднялась однажды туча с юга
И близилась. В молчании ждала
Ее усталая природа. Торопливо
Летали птицы; спряталась пчела;
Замолк деревьев разговор шумливый...
И грянул гром, и полил дождь ручьем.
Я видела, как бурный вихорь жадно
Моих любимцев охватил, – как после,
Сомкнув их ветви, вырвал беспощадно
Он с корнем одного и бросил далеко...
С тех пор всегда, малютке, мне казалось,
Что уцелевшее страдает глубоко,
Что утром не росой, слезами обливалось;
Что счастье его навек отравлено,
Что, бедное, все бури ждет оно...

Мы выписали это стихотворение, между прочим, и для того, что в нем довольно ярко

выступает один из недостатков, который, вероятно, всегда много мешал и будет мешать блестящему успеху стихотворений г-жи Жадовской. Это – недостаток отделки, небрежность и шероховатость стиха. По нашему мнению, недостаток этот не мешает быть стихотворению прекрасным и истинно поэтическим; но все-таки и мы признаемся, что лучше бы было, если бы среди рифмованных стихов не встречалось стиха без рифмы; если бы стих не оканчивался на *но* в рифму – *суждено*; если бы союзы *уж*, *вот* и др. употреблялись с большею осторожностью, и пр. Мы так привыкли теперь к совершенной гладкости и плавности стиха, что малейшая шероховатость производит на нас уже неприятное впечатление. А в стихах г-жи Жадовской небрежность отделки доходит до того, что иногда даже ударения ставятся довольно произвольно: это обстоятельство весьма важно для нашего стиха, которого вся звучность основана на ударениях. Вместе с тем читатели заметят в приведенном стихотворении ту, подходящую к прозе, простоту выражения, которая составляет особенность стиха г-жи Жадовской. Пе-

речтите описание приближения бури: тут нет живописных выражений вроде тех, которыми приобрели себе славу некоторые из наших поэтов. Нет тут ни «дымящихся небес», ни «молнии бразды, рассыпающейся огнем пурпурным по тучам бурным», ни «клубящейся мглы», – все совершенно просто. При переложении этого описания в прозу не было бы надобности изменять ни одного выражения. Нам это кажется большим достоинством; но многие в этом спокойствии и простоте описания видят недостаток *объективности* в таланте г-жи Жадовской. Для нее явления природы, говорят они, сами по себе не имеют никакого значения; ее привлекает не красота или величие этих явлений, а то, что они имеют известный характер, соответствующий внутреннему настроению ее духа. Замечание это справедливо, но, по нашему мнению, оно прилагается, в большей или меньшей степени, ко всякому поэту. Совершенно объективных поэтов быть не может; совершенно объективны могут быть только математические выкладки да разные сведения из натуральной истории, статистики и т. п. В поэзии во-

прос может быть только о большей или меньшей степени субъективности, и нам кажется, что различие этих степеней само по себе не может служить доказательством ни недостатка, ни силы поэтического таланта. Если хорошо восхищаться бархатом лугов и запахом черемухи молодой, если весело отдыхать под липою густою и смотреть, как облаками разукрасилась даль, или стоять неподвижно, в далекие звезды вглядясь, то отчего же не будет столько же хорошо – прислушиваться к внутренним движениям собственной души, передавать субъективную жизнь своего сердца? Вам могут нравиться пейзажи, но это не мешает мне любить жанристов или портретную живопись. Что же касается до того, что талант г-жи Жадовской не в пейзажах, – это, мы полагаем, успели уже заметить читатели даже из тех выписок, которые мы привели.

Любовь к природе, наслаждения красотами ее вовсе не чужды таланту г-жи Жадовской. Но, если так можно выразиться, природа служит для нее только *средством* для возбуждения тех или других мыслей и воспоминаний. Возьмите любое стихотворение, – в

каждом вы это заметите.

*Я все хочу расслушать,
Что говорят они,
Ветвистые березы,
В полночной тишине...[12]*

— —

*Повсюду тишина; природа засыпа-
ет,
И звезды в высоте так сладостно
горят!
Заря на западе далеком потуха-
ет;
По небу облачка едва-едва сколь-
зят.
О, пусть моя душа больная насла-
дится
Такою же отрадной тишиной... и
пр.[13]*

— —

*Опять спокойно надо мной
Сияют небеса,
И безотчетною слезой
Блестят мои глаза... и пр.*

— —
Вечер... этот вечер
Чудной негой дышит...
Золотой зарею
Ярко запад пышет.
Наклонив головки,
Розы сладко дремлют...
Но любовь и горе
О погибшем счастье
Душу мне объемлют.
Я в тиши тоскую... и пр.[14]

Сама г-жа Жадовская хорошо сознает особенность своего настроения, и это сознание выразилось в прекрасном стихотворении ее «На песнь соловья». Она говорит в нем, что не может беззаботно наслаждаться этой песнью:

*Под звук твоей чудесной трели
Воспоминанья мне запели
Иную песнь в тиши ночной:
Звучит та песнь тоской и мукой,
Разбитой страстью и разлукой
И безнадежностью глухой.*

Вот заключительные стихи этой пьесы, объясняющие субъективность поэта:

*Когда душа летит над бездной,
Что ей краса лазури звездной
И страстной песни перелив?
Они на дне ее, глубоко,
Возбудят лишь один жестокий,
Немой отчаянья порыв...*

Особенность и сила субъективного таланта г-жи Жадовской состоит именно в том, что она не подчиняется безусловно внешним впечатлениям природы, а умеет переработывать их согласно с своим внутренним настроением. О ней нельзя сказать, чтоб она вовсе не обращала внимания на природу; нет, она любит ее, постоянно обращается к ней в своей поэтической грусти, в своем отчуждении от света. Но природа не в силах покорить ее сердце, изменить ее постоянное настроение; она только видоизменяет это настроение, придавая ему больший или меньший оттенок грусти или успокоения, твердости или покорности судьбе. Но и то часто делается и без содействия окружающей обстановки, по одному внутреннему увлечению. То овладевает вдруг душою поэтическая грусть об умершей подруге:

*Все мне кажется, что душно
В тесном гробе ей лежать;
Все мне мнится: тяжело ей
Быть засыпанной землей,
И неловко и темно ей
Под богатой пеленой...[15]*

То мысль об отсутствующем друге тяготит ее, то посещает ее грустная мечта о любимом человеке, умершем вдали, не поняв любви, обращенной к нему. Теперь, – мечтает поэт, —

*Может быть, все ясно
Стало для него;
Как любила страстно
Одного его;
И чего живому
Не могла сказать,
Мертвецу немому
Суждено понять...[16]*

Иногда в поэтических думах своих поэт нарочно будит свое сердце воспоминаниями, заставляя его снова переживать некоторые тяжелые мгновения прежней жизни. В пример мы можем указать на превосходное стихотворение «Пробуждение сердца», заключающее в себе целую драму и навевающее на читателя,

имеющего хоть какие-нибудь воспоминания, невольную сладостно-грустную тревогу. Грустно задумывались мы над этим стихотворением, читая его несколько лет тому назад в «Москвитяине»;[17] то же впечатление испытали мы и теперь, перечитывая его. Мы его не выписываем здесь единственно потому, что оно довольно длинно, а мы и без того уже сделали много выписок.

Но мы не можем удержаться, чтобы не выписать несколько небольших стихотворений, в которых выражается то отношение, в каком находится субъективное настроение таланта г-жи Жадовской к явлениям внешнего мира. Вот минута из тихой, звездной ночи:

*Чудная минута!
Будто счастья жду я...
И мечты слетают,
Нежа и чаруя.
Как на чувства сердце
В этот миг не скупю!
Я готова плакать,
Как это ни глупо...
Что ж? никто не видит...
Лейтесь, слезы, смело!
Месяцу с звездами*

Что до вас за дело?..

Вот как действует на поэта осеннее время:

*Тихо я бреду одна по саду;
Под ногами желтый лист хрустит,
Осень льет предзимнюю прохладу,
О прошедшем лете говорит.
Говорит увядшими цветами,
Грустным видом выжатых полей
И холодными, сырыми вечерами,
—
Всей печальной прелестью своей.
Так тоска душе напоминает
О потере наших лучших дней,
Обо всем, чего не возвращает
Эта жизнь – жестокий чародей!*

А вот вам и впечатление жаркого и светлого летнего дня:

*Летний полдень страстным зноем
Землю пышную томит;
Небо чистое покоем
Безграничности горит.
Поищу прохладной тени...
Да, как жизнь ни хороша, —*

*Жаждет отдыха и лени
Утомленная душа.
Пусть деревья зеленеют
Под дыханьем теплоты;
Пусть плоды на солнце зреют,
Распускаются цветы...
Солнца луч цветков увядший
К жизни вновь не возвратит.
Преждевременно упавший
С дерева плод не возрастит...*

Не правда ли, что, при всем различии этих впечатлений, над ними господствует одно общее чувство, неразлучное с душою поэта? Это же самое чувство заметно даже и в тех стихотворениях, которые, по форме своего выражения, представляются чисто объективными и предметом которых служат уже не внутренние ощущения, а предметы совершенно внешние. Мы приведем два из них. Одно из них возбуждено взглядом на ниву:

*Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру,
Словно в синем море,*

Волны так и ходят,
Ходят на просторе.
Над тобою с песней
Жаворонок вьется;
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую!
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую!..[18]

Другое стихотворение также относится к сельскому быту, но гораздо грустнее предыдущего:

Грустная картина!
Облаком густым
Вьется из овина
За деревней дым.
Незавидна местность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Всё как бы в тумане.
Все как будто спит...

*В худеньком кафтане
Мужичок стоит,
Головой качает,
Умолот плохой, —
Думает-гадает:
Как-то быть зимой?..
Так вся жизнь проходит
С горем пополам,
Так и смерть приходит,
С ней – конец трудам.
Причастит больного
Деревенский поп,
Принесут сосновый
От соседа гроб;
Отпуют уныло...
И старуха мать
Долго над могилой
Будет причитать.*

Однако же – довольно выписок. Если выписывать все хорошее, то нам пришлось бы переписать значительную долю стихотворений г-жи Жадовской. Пьесы, приведенные нами, могут, впрочем, дать довольно полное понятие о характере ее таланта. Он не отличается ни особенным разнообразием, ни могуществом, ни роскошью; но он силен своей задушевностью и решительным отсутствием вся-

кой аффектации. Это – находка в нашей современной поэзии, так приучившей нас к благозвучному пустозвонству, к изумительной скачке друг через друга пышных образов и мировых идей, выхваченных из школьных тетрадок, к головоломным порывам, о которых вовсе не ведает сердце. Среди этой безотрадней доморощенной философии с рифмами, выражающейся в каких-то образах суздальской живописи[19], казались нам весьма замечательными даже те стихотворения, в которых без особенных вычур и претензий говорилось хоть о том, что летний вечер тих и ясен, или что теплым ветром потянуло[20], или, наконец, хоть о том, что пахнет сеном над лугами[21]. После этого странно было бы нам не заметить звуков простой, безыскусственной поэзии, раскрывающей перед нами внутренний мир человека, посвящающей нас в тайны действительного сердечного горя, в тайны страданья, доступного всякой душе, для которой мысль и чувство дороги, как святейшее достояние человека.

«Но, – скажут многие благоразумные судьи, – что нам за дело до того, как грустит г-

жа Жадовская? У нас и своей грусти много; поэзия могла бы и не трудиться прибавлять нам еще свое горе». Что сказать на такое умиствование, и нужно ли говорить что-нибудь? Нет, читатель, напрасно было бы говорить с тем, кого собственное горе ожесточает против горя других; напрасно было бы пробуждать человеческие чувства в том, кто все человечество заключает только в самом себе. Он отвернется от всех наших убеждений, как отвернется и от произведений, подобных стихотворениям г-жи Жадовской. Для подобных людей нужны *великолепные* стихотворения, подобные творениям г. Бенедиктова и графини Евдокии Ростопчиной[22].

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 6, отд. II, с. 167–182, без подписи. Вошла в изд. 1862 г.

Первый сборник стихов Ю. В. Жадовской (1846) вызвал отрицательный отзыв Белинского: «источник вдохновения этого таланта не жизнь, а мечта», и поэтому он «беден поэзией» (Белинский, X, 34). Опираясь на новый сборник поэтессы, в котором ее творческая индивидуальность раскрылась заметно полнее, Добролюбов дал ему высокую оценку, несмотря на бедность творчества Жадовской гражданскими мотивами и относительно скромные, по признанию критика, размеры ее дарования.

В ее стихах Добролюбов увидел воплощение своих основных требований к поэзии: искренность чувств и простоту выражения. Созвучными ему оказались и мотивы лирики Жадовской – одиночество, затаенное душевное страдание, – как раз то, за что другие кри-

тики упрекали ее в субъективности (напр., рецензент «Московского обозрения» и А. П. Пятковский – см. примеч. 3). Для Добролюбова субъективность – неотъемлемое качество истинной поэзии. Отстаивая право поэта говорить о себе, законность темы личных переживаний в поэзии, он единственным условием ставит их подлинность, отсутствие надуманности и риторики.

Отклик на стихотворения Жадовской – один из образцов критического мастерства Добролюбова. Не анализируя отдельных стихов, критик подбирает и выстраивает их так, что из них складывается тонкая и точная характеристика поэзии Жадовской, целостный духовный портрет поэта.

Комментарии

Поэтический дебют Ю. В. Жадовской состоялся в 1843 г. на страницах журнала «Москвитянин», № 12, стихотворениями «Много капель светлых...» и «Лучший перл таится...». «*Московский городской листок*» – ежедневная газета, выходившая в 1847 г.; «*Московский сборник*» (точнее: «Московский литературный и ученый сборник») – альманах, выходивший в 1846, 1847, 1852 гг. Участие Жадовской в изданиях славянофильского толка определялось не идейными, а чисто биографическими обстоятельствами.

[^^^]

Роман печатался в 1857 г. в приложении к «Русскому вестнику» (март, кн. 1 и 2; апрель, кн. 1 и 2).

[^^^]

Предположение Добролюбова подтвердилось: остальные рецензенты невысоко оценили стихи Жадовской (П. И. Вейнберг – *БДЧ*, 1858, т. 149; А. П. Пятковский – *Журнал Министерства народного просвещения*, 1859, т. 102; *Московское обозрение*, 1859, кн. 1).

[^^^]

4

Из стихотворения Е. П. Ростопчиной «Надевая албанский костюм...» (1835).

[^^^]

5

Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

[^^^]

6

Из стихотворения «Монолог» (1847).

[^^^]

Из стихотворения «Я плачу» (1845).

[^^^]

Из стихотворения «Тунеядцам» (1857).

[^^^]

Из стихотворения «Притворстве» (1845).

[^^^]

Из стихотворения «Необходимое притворство» (1847).

[^^^]

Не совсем точные цитаты из стихотворения
«Кто мне родня?» (1850).

[^^^]

Из стихотворения «Вечерние думы» (1847).

[^^^]

Из стихотворения «Вечер» (1846).

[^^^]

Из стихотворения «Вечером» (1849).

[^^^]

Из стихотворения «Ты спросила, отчего я...»
(1848).

[^^^]

Из стихотворения «Тот, кого любила...» (1857).

[^^^]

Москвитянин, 1849, июнь, кн. 2.

[^^^]

Из стихотворения «Нива» (1857).

[^^^]

Суздальская живопись – продукция распространенных в Суздальском и других уездах Владимирской губернии мастерских, изготавливавших в массовом количестве дешевые иконы для народа, очень низкие по своему художественному уровню, и лубочные картинки.

[^^^]

«Летний вечер тих и ясен...», «Теплым ветром
потянуло...» – начальные строки стихотворе-
ний А. А. Фета.

[^^^]

«Пахнет сеном над лугами...» – из стихотворения А. Н. Майкова «Сенокос» (1856).

[^^^]

Развернутая оценка творчества В. Г. Бенедиктова дана Добролюбовым в специальной статье (И, 185–199). Отношение Добролюбова к творчеству Е. П. Ростопчиной наиболее полно выражено в рецензии на ее роман «У пристани» (II, 70–87).

[^^^]